

ВЛАСТЬ И ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*

УДК 29

С.С. ЗАГРЕБИН

Современные общественно-политические реалии российского социума демонстрируют усиление роли и значения Русской Православной Церкви. Будучи организационно отделена от государства Церковь входит в социально-политическое и культурное пространство в качестве равноправного партнёра властных субъектов социума. В условиях постсоветского системного идеологического и духовного кризиса обращение власти к традиционным культурным ценностям представляется своевременным и необходимым шагом на пути формирования новой идеологии, без которой поступательное развитие общества становится всё более затруднительным. В данном контексте представляется интересным обращение к одному из фрагментов исторического опыта отношений власти и Церкви.

В 1920-е гг. молодое советское государство устремило свои усилия на искоренение религии из индивидуального и общественного сознания, на разрушение Русской Православной Церкви как организационного и духовного оплота религиозности и инакомыслия. Одним из сильных ударов власти стало изъятие так называемых «церковных ценностей», а в действительности – отчуждение церковной собственности и конфискация атрибутов богослужебной практики. Другим ударом стал спровоцированный государством церковный раскол.

Следует отметить, что известные предпосылки раскола существовали внутри Церкви и до событий 1917–1922 годов. Внутри Русской Православной Церкви имелись известные противоречия во взглядах духовенства на внутрицерковную организацию и систему отношений Церкви и власти. В некоторых вопросах противостояние наблюдалось и между черным и белым духовенством. Все существующие противоречия катализировались революционными событиями начала XX века, затем обострились сознательно направленной на эти цели политикой Советской власти. Искусственность раскола проявится уже в 1930-е годы, когда

усилившееся гонение на Церковь все более заглушит внутрицерковные противоречия. А вскоре после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов обновленческое духовенство со своими приходами возвратится в лоно Русской Православной Церкви.

Но это произойдет не сразу. Теперь же, в 1920-е годы, Советская власть всеми средствами способствует церковному расколу. Практические мероприятия по расколу Русской Православной Церкви Советская власть начала весной 1922 года. Патриарх Тихон был арестован 6 мая, а уже 14 мая 1922 года на первой странице газеты «Правда» было опубликовано Обращение «Верующим сынам Православной Церкви России», подписанное епископом Антонием и несколькими священниками из Петрограда, Москвы и Саратова. Обращение не просто демонстрировало свою лояльность к Советской власти, но сам факт существования рабоче-крестьянского правительства объяснялся «волей Божьей», залогом преодоления всех бедствий и тягот, а Церковь обвинялась в сознательном самоустранении от «великой борьбы за правду и благо человечества». Выступая от имени широких церковных кругов, группа подписавших Обращение священников осуждала контрреволюционную деятельность «тех иерархов и тех пастырей, которые виновны в организации противодействия государственной власти по оказанию помощи голодающим и в других его начинаниях на благо трудящихся». Далее священнослужители высказывали необходимость «созыва Поместного Собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении Церковью и об установлении нормальных отношений между ней и Советской властью» [9]. Под Обращением к «Верующим сынам Православной Церкви России» в газете «Правда» помещалась редакторская статья «Церковная демократия против церковного феодализма», где не только подчеркивалась значимость этого Обращения, но где ему предрекалось стать «переломным моментом в истории Русской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант РК 2009 Урал: Челябинская область. 09-01-85122 а/у.

Церкви». Такой прогноз был неслучайным, это был сигнал к началу широкомасштабной кампании, имеющей целью способствовать расколу Русской Православной Церкви.

Уже на следующий день после данной публикации Л. Троцкий в секретном письме к членам Политбюро ВКП(б) высказал недовольство медленной реакцией средств массовой информации на Обращение «лояльной группы духовенства». В своем письме Л. Троцкий подчеркнул, что отделение Церкви от государства не означает «безразличие государства к тому, что творится в Церкви, как в материально-общественной организации». По мнению Л. Троцкого, государство должно активно вмешиваться в эту сферу, диктовать свою волю. Далее Л. Троцкий ставит конкретные задачи по углублению раскола Церкви: всеми средствами разжигать и стимулировать борьбу внутри Церкви, поддерживать лояльных к власти священнослужителей, организовать в прессе соответствующую информационную поддержку [7, № 4, с. 196].

Через несколько дней в местные партийные организации направляется телеграмма за подписью секретаря ЦК РКП(б) В. Куйбышева. Констатируя появление в церковной среде обновленческого движения, ЦК партии призывает коммунистов на местах обратить свое внимание на этот процесс. В телеграмме говорилось: «Партия твердо стоит на своей принципиальной позиции, враждебной всякой религии. Советская власть, проводящая отделение Церкви от государства, продолжает политику официального невмешательства в церковные и религиозные дела, но для партии далеко не безразлично, стоят ли во главе церковной организации... контрреволюционные заговорщики или элементы, лояльно настроенные к Советской власти». Местным партийным организациям рекомендовалось очень осторожно проводить антирелигиозную работу, чтобы не оттолкнуть от себя лояльное духовенство. Это духовенство интересовало партию не как потенциальный союзник, но как сила, способная осуществить церковный раскол. Спустя два месяца, в августе 1922 года, в материалах Двенадцатой Всероссийской конференции РКП(б), а именно в резолюции об антисоветских партиях и течениях, среди прочих врагов Советской власти будет названа Церковь, а «начавшийся глубокий раскол Церкви, чреватый серьезными последствиями, будет оценен партией как положительный факт» [8, т. 2, с. 592].

Так Русской Православной Церкви был нанесен двойной удар. Сначала – изъятие церковных ценностей, причинившее не только материальный ущерб, но и духовные страдания от осквернения богослужебных предметов. Затем – организация церковного раскола. По сути, формы и методы гражданской войны были внесены в жизнь церковную и разделили духовенство, разделили мирян на противодействующие группировки. Одну группу составляли приверженцы Патриарха Тихона, другую – так называемые «обновленцы» – сторонники широких внутрицерковных реформ.

Обновленцы пытались объяснить свое движение характером изменившейся политической обстановки; они ставили своей задачей примирение Церкви с революцией и революционной государственностью. Они заявляли, что сочувствуют социальному перевороту, социальным лозунгам Октябрьской революции, как отвечающим голосу христианской правды, и потому приемлют новый государственный строй [11, с. 33]. Обновленцы называли «близорукой» точку зрения многих церковников на то, что «удар, нанесенный русскому православию Октябрьским переворотом, заключается в отделении Церкви от государства». По их мнению, революция нанесла удар, прежде всего, церковной идеологии, которая изжила себя, ведь «христианство обещало Царствие Божие, обещало всех людей сделать братьями, но не сделало этого».

Обновленцы выражали уверенность, что именно революция способна превратить «человечество ... в братский союз народов, а в общественной жизни восторжествует поправная справедливость». Ведь «перед революционным натиском падают те позиции социального зла, которые твердо противились религиозному воздействию ... Еще немного и ... не будет никаких рабов, ни нищих, ни насильников» [12, с. 6]. Обновленчество было далеко не однородным течением, более того, обновленцев объединяло лишь одно – публичная демонстрация лояльности к Советской власти. Власти было достаточно одного лишь этого факта, чтобы расценивать все течение обновленчества как единую силу, способную практически осуществить раскол в Русской Православной Церкви.

Арест 6 мая 1922 года Патриарха Тихона явился своеобразным сигналом к активизации действий обновленцев. Спустя неделю, 12 мая Патриарха Тихона посетила группа духовенства в составе протоиерея

Введенского, священников Красницкого, Калиновского, Белкова и псаломщика Стадника. В течение продолжительной беседы речь велась о судьбе Русской Православной Церкви, о ее современном положении в обществе, об отношении Церкви с Советской властью. Сами обновленцы описывали свою беседу как достаточно категоричное и резкое обвинение Патриарха Тихона в антисоветской деятельности. Скорее всего, это объяснение не соответствует действительности, и обновленцы пришли к Патриарху, лишь демонстрируя благие намерения. Сам Патриарх Тихон писал в этой встрече по-иному: пришедшие к нему на Троицкое подворье священники, под видом заботы о благе Церкви, подали Патриарху письменное заявление, где объяснялось, что «вследствие сложившихся условий церковные дела остаются без движения» и просили Патриарха «вернуть им канцелярию... для приведения в порядок поступающих в нее бумаг» [10, кн. 1, с. 196]. Патриарх Тихон наложил на письмо священников резолюцию, в которой поручал им управление Канцелярией и делами впредь до приезда митрополита Агафангела. Именно ему, митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), Патриарх Тихон вручал временные полномочия главы церковного управления; об этом 12 мая 1922 года Патриарх сообщил Председателю ВЦИК М.И. Калинину [1, с. 213]. Митрополит Агафангел не смог приступить к своим обязанностям временного главы церковного управления, так как органы Советской власти не допустили прибытия митрополита в Москву. Группа обновленцев, воспользовавшись этим обстоятельством, вновь посетила Патриарха Тихона; ссылаясь на отсутствие Агафангела и какого-либо церковного руководства, они выговаривали себе дополнительные полномочия в церковном управлении. Впоследствии обновленцы использовали беседы с Патриархом как оправдание собственных действий по созданию Высшего Церковного Управления (ВЦУ).

Следует отметить, что обновленцы не ставили своей целью расколоть Русскую Православную Церковь. Создание ВЦУ объяснялось обновленцами как необходимая мера, призванная упорядочить церковные управления на период отсутствия Патриарха. Но обновленцы позволяли себе публично осуждать Патриарха Тихона, его политику. Созданное обновленцами Высшее Церковное Управление стремилось подчинить себе все стороны церковной жизни. Эти действия

обновленцев стали вызывать недовольство верующих и протесты высших церковных иерархов. Сначала прозвучало послание митрополита Агафангела, в котором он, в качестве Заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, объявлял свое категорическое несогласие с узурпацией обновленцами церковной власти. Признавая необходимость урегулирования многих внутрицерковных вопросов, митрополит Агафангел подчеркивал возможность их решения исключительно Всероссийским Поместным Собором.

Не внимая увещаниям митрополита Агафангела, обновленцы продолжали подвергать резкой и часто несправедливой критике Патриарха Тихона, пренебрегая элементарными нормами этики и субординации. Спустя полгода после послания митрополита Агафангела, 19 декабря 1922 года, Патриарх Тихон в специальной грамоте объявил анафематствование Высшему Церковному Управлению и всем, имеющим с ним какое-либо общение [10, с. 198–199]. Заявление Патриарха Тихона, нацеленное прежде всего на сохранение единства Русской Православной Церкви, незыблемость ее традиций, фактически окончательно обозначило раскол уже как совершившийся факт. И подтверждением этого факта раскола Русской Православной Церкви явился созыв обновленцами собственного Собора, который они назвали Вторым Всероссийским Поместным Церковным Собором. Этим названием обновленцы хотели представить созыв Собора как исполнение коллективной воли Церкви (на Первом Поместном Соборе предполагалось созвать следующий Собор в 1921 году).

Второй Всероссийский Поместный Собор состоялся в Москве, заседания Собора проходили с 29 апреля по 9 мая 1923 года. В работе Собора принимало участие 350 делегатов, из них 260 – составляли обновленцы. С первых же дней работы Собор продемонстрировал свою лояльность к Советской власти, направив приветствие Правительству Российской Республики и приветствие ВЦИКу. В этих двух документах декларировалась приверженность Церкви к революционным преобразованиям в России. «Великий Октябрьский переворот» признавался средством достижения «начал равенства и труда, имеющихся в христианском учении». Третьего мая 1922 года Собором была принята очень важная резолюция, положения которой кардинальным образом

меняли всю систему отношений государства и Церкви. Поместный Собор приветствовал Декрет об отделении Церкви от государства, Конституцию Советского государства. Собор подчеркивал, что «Советская власть, одна во всем мире... государственными методами... борется за идеалы Царства Божия...» [2, с. 5]. Советская власть определялась как мировой вождь в борьбе за братство, равенство и мир народов; а капитализм объявлялся смертным грехом и борьба с ним – священной для христианина. Политическая терминология: «классовая борьба», «капитализм» и другие не просто вошли в церковный лексикон, но и нашли в нем свое действенное выражение. Поместный Собор заклеил международную и отечественную контрреволюцию, осудил ее «всем своим религиозно-нравственным авторитетом», признав, что «Церковь как контрреволюционная организация оказалась побежденной. В докладе протоиерея А.И.Введенского Патриарх Тихон назван «агентом международной реакции», «заклятым врагом Советской власти», носителем и разжигателем контрреволюционных настроений: «...Патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу служил контрреволюции и этим... ввел в заблуждение широкие церковные массы». В постановлении Собора Патриарх Тихон обвиняется в том, что он «направлял всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни». Множество пунктов доклада А.И. Введенского, а также резолюций и постановлений Собора содержат самые невероятные обвинения Патриарха, начиная от нарушений заповедей Христа, ввержения Церкви в контрреволюционную борьбу, до обвинений в жестокости к голодающим: «Патриарх Тихон, затворивший свое сердце от умирающих с голода бедняков и не желавший отдать церковные сокровища на нужды голодающим...» [2, с. 5, 7]. Осудив Патриарха Тихона за «неисчислимыя беды», в которые «Церковь впала» по его вине, Собор определил Патриарху суровое наказание: «Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви и на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращает в первообычное мирянское положение. Отныне Патриарх Тихон – мирянин Василий Белавин». Отдельным параграфом этой резолюции сам факт восстановления Первым Поместным Собором (1917–1918 гг.) института Патри-

аршества объявлялся «актом определенно-политическим, контрреволюционным», и на этом основании Собор «отменяет восстановление Патриаршества» [2, с. 8].

Таким образом, обновленческий Собор 1923 года продемонстрировал полное подчинение церковной жизни государственным интересам. В угоду политической конъюнктуре предавались забвению канонические основы православия. Обновленцы нарушили Соборность Церкви тем, что перестали подчиняться избранному Собором Патриарху Тихону и осудили его вопреки соборным правилам. Основанием подобных действий могли служить лишь серьезные нравственные преступления, а не политические взгляды, тем более, что Патриарх Тихон никогда не делал политических заявлений; во всех его посланиях политические реалии оценивались исключительно с религиозно-нравственных позиций.

Реакцией Патриарха Тихона было полное и категорическое неприятие решений Собора, о чем он заявил в своих посланиях от 28 июня и от 1 и 15 июля 1923 года [6]. Собор обновленцев не нашел поддержки и у автокефальных Православных Церквей за рубежом. Но самое главное – широкие массы верующих граждан остались верны Патриаршей Церкви. Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста, затем его заявление о лояльности к Советской власти лишили обновленцев их главного обвинительного аргумента. Достаточно разрозненные обновленческие течения все более расходились между собою, теряя организованность. В то же время Патриаршая Церковь усилиями Патриарха Тихона обрела все большую внутреннюю стабильность.

Советская власть, добившись от Патриарха Тихона публичного заявления о его лояльности к новой власти, продемонстрировала свою «гуманность». Постановлением Президиума ВЦИК Союза ССР от 21 марта 1924 года было прекращено судебное производство по делу Патриарха Тихона. В Постановлении говорилось: «Принимая во внимание, что гражданин Белавин В.И., бывший Патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян... и что влияние так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено... гражданин Белавин, бывший Патриарх Тихон, и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для Советской власти». На следу-

ющий день Патриарх Тихон в газете «Известия» выразил свою благодарность Советскому правительству за милосердие [3].

Впоследствии, когда угроза ареста уже не довлела над Патриархом Тихоном, все усилия главы Церкви были направлены на обустройство внутрицерковной жизни. Однако Патриарх был вынужден периодически выступать в советской печати с разъяснениями лояльности Церкви по отношению к Советской власти. Смирненное приятие власти, какой бы она ни была, являлось залогом общественного примирения, отнимало у той же власти повод к очередному насилию. Желание Патриарха Тихона увидеть в России и в Церкви гражданский мир и согласие, донести это еще и еще раз до сознания паствы, клира и до сведения властей четко прослеживалось в последних посланиях Патриарха. Особенно ярко проявилась позиция Патриарха Тихона в его последнем послании, написанном в день кончины 7 апреля 1925 года и ставшем своеобразным духовным завещанием. Оно было передано митрополитами Петром Крутицким и Тихоном Уральским в редакции газет «Правда» и «Известия», в которых и было опубликовано в один день.

Весь текст послания был пронизан одной заботой – сохранить Русскую Православную Церковь в условиях нового общественно-политического строя. Признавая установление Советской власти как свершение воли Божией, Патриарх предостерегал паству от уныния, от возможного богохульного роптания, призывал «не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении ... быть искренними по отношению к Советской власти... осуждая сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее» [4]. Этими словами Патриарх помогал верующим избавиться от необходимости делать выбор между своим духовным долгом и гражданскими обязанностями. Гармонизация этих двух сфер человеческого бытия и сознания вселяла в личность чувство внутренней стабильности и тем самым обеспечивала ею все общество. Огромное число верующих могло обрести внутреннюю духовную свободу в условиях тоталитарной политической системы.

Церковно-обновленческое движение 1920-х годов продемонстрировало и духовенству и мирянам всю пагубность внутрицерковных распрей. В среде самих обновленцев тоже не было единства. Существовали различные обновленческие

течения – «Живая Церковь», «Церковное возрождение», «Союз общин древлеапостольской Церкви» и другие. Главным был сам факт церковного раскола, который распространился на все епархии.

Внутрицерковное примирение было необходимо, и сами обновленцы понимали важность церковного объединения. Летом 1925 года обновленческий Синод обратился к митрополиту Петру с предложением организовать совместную комиссию для преодоления внутрицерковных разногласий. Однако митрополит Петр, который выполнял в это время обязанности Патриаршего Местоблюстителя, отказался участвовать в каких-либо переговорах с «еретиками», считая, что внутрицерковное примирение можно осуществить только через личное покаяние обновленцев и возвращение их в лоно Патриаршей Церкви [10, с. 253]. Обновленцы приняли решение добиться собственной правоты на новом Поместном Соборе.

Третий Поместный Собор проходил в Москве с 1 по 10 октября 1925 года. Следует сразу сказать, что свою главную задачу – церковное примирение – Собор не решил. Руководители обновленцев – митрополит Введенский, протоиерей Красотин, митрополит Серафим в своих выступлениях пытались обосновать каноничность церковно-обновленческой власти, одновременно обрушиваясь с критикой на Патриаршую Церковь, обвиняя ее приверженцев в лицемерном примирении с Советской властью. Но, несмотря на официальные победы на Соборах 1923 и 1925 годов, количество обновленческих приходов постоянно сокращалось. Думается, во многом это объясняется стойкой и бескомпромиссной позицией приверженцев Патриаршей Церкви и ее иерархов. Сохраняя все традиции православия, претерпевая тяготы гонений, они продолжали верно служить Церкви. Само примирение их с Советской властью было осуществлено с достоинством: власти было отдано должное гражданское уважение, Церкви осталось верное духовное служение.

Таким образом, достаточно динамичное сокращение сторонников обновленческих течений, укрепление позиций приверженцев Патриаршей Церкви создавали предпосылки установления, хотя и не полного внутрицерковного примирения. Однако в этот процесс вновь вмешалось Советское государство. По обвинению в антисоветской деятельности был арестован Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, в результате чего

вновь встал вопрос о преемстве высшей церковной власти. Во внутрицерковных отношениях началась новая смута; суть ее заключалась в противоборстве различных группировок, отстаивающих свое право на высшее церковное управление.

К концу 1920-х годов внутри Русской Православной Церкви наметились основные группировки, отстаивающие свое право на высшее церковное управление. Одну из этих группировок возглавлял митрополит Сергей, исполняющий обязанности Патриаршего Местоблюстителя; другая группировка сосредоточилась вокруг архиепископа Григория и Временного Высшего Церковного Совета. Третью силу составляли автокефалисты – православные иерархи, не принимавшие ни митрополита Сергея, ни архиепископа Григория. Представители каждой из группировок обвиняли противников в неканоничности властных претензий и в забвении принципов соборности, и эти обвинения были во многом справедливы. Окончательно разрешить все внутрицерковные разногласия мог лишь Поместный Собор с широким представительством клира и мирян, но созвать Собор в то время не представлялось возможным. Российская Православная Церковь находилась в невероятно сложном положении. Обеспечить хоть какое-то внутрицерковное управление возможно было лишь при условии постоянных контактов с органами Советской власти, но государство требовало за самую свою незначительную поддержку полного подчинения. Митрополиту Сергию стоило большого труда сохранить относительную независимость Церкви.

В своей деятельности митрополит Сергей руководствовался принципами, определенными еще Патриархом Тихоном, четко различая гражданские обязанности члена общества и духовный долг пастыря. Высказывая свою лояльность к Советской власти, митрополит Сергей подчеркивал, что не стремится «примирить непримиримое и подкрасить ... веру под коммунизм». Митрополит Сергей пытался доказать Советской власти, что ей не опасен православный христианин, что, как и любой другой гражданин страны, православный христианин живет заботами и удачами своего Отечества, что нравственные принципы православного христианина определяют его законопослушность и одновременно обязывают к духовной работе [5]. Предназначение Церкви виделось митрополиту Сергию ни в решении

сиюминутных политических вопросов, но в духовном служении.

Большинство православных иерархов разделяло позицию митрополита Сергея. Русская Православная Церковь все более приспособлялась к существованию в условиях атеистической страны. Глубокий анализ принципов взаимоотношений Церкви и Советского государства содержался в Обращении православных епископов из Соловецких островов к правительству СССР (май 1927 года). Характеризуя противоречия между Русской Православной Церковью и Советским государством, священники уточняли, что эти противоречия носят не экономический и не политический характер. Корень противоречий Церкви и Советского государства находился в сфере духовной, в принципиальной непримиримости религиозного учения и философской материалистической доктрины, определяющей государственную идеологию. Соловецкие епископы вполне справедливо отмечали, что между Церковью и Советским государством «невозможно примирение, как ... между «да» и «нет», потому что душой Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает последовательное утверждение принципа отделения Церкви от государства могло обеспечить мирное сосуществование этих двух общественных институтов.

В Советской России этот принцип был закреплен в Конституции; однако система законодательных положений обеспечивала государству целый комплекс экономических, юридических, политических, идеологических рычагов давления на Церковь, при этом Церковь была лишена многих прав, включая права собственности и статуса юридического лица. Православные епископы выражали надежду, что реализация принципа отделения Церкви от государства проявится в отказе государства от вмешательства во внутренние дела Церкви: в ее вероучение, богослужение и управление. «Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором она находится...», – писали соловецкие епископы [1, с. 500–507]. Разумеется, записка православных епископов не нашла в правительстве никакого отклика.

Подведем некоторые итоги. В 1920-е годы партийно-государственный аппарат спланировал и организовал широкомасштабное наступление на Русскую Православ-

ную Церковь. Повсеместное закрытие православных храмов, массовые аресты священнослужителей, правовые ограничения деятельности Церкви, изъятие церковных ценностей, спровоцированный церковный раскол – все это имело целью уничтожить само существование в России Православной Церкви. Усилиями сначала Патриарха Тихона, затем митрополита Сергия были частично преодолены острые разногласия Церкви и государства. Пойдя на определенные политические уступки, Церковь сохранила главное – свое существование в

России и духовно-нравственное значение в сердцах верующих. Государство осознало, что не смогло уничтожить ни Церковь, ни православие. Поэтому уже в 1930-е годы деятельность органов государственной власти были переакцентированы с задачи ликвидации Церкви как общественно-политического института на задачи истребления Веры как мировоззрения, как системы эмоционально-нравственных категорий, составляющих основу морального строя личности. Так начиналась эпоха «воинствующего атеизма», исход которой всем хорошо известен.

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. – М., 1994.
2. Деяния II-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. Бюллетени. – М., 1923.
3. Известия. – 1924. – 22, 23 марта.
4. Известия. – 1925. – 15 апреля.
5. Известия. – 1927. – 19 августа.
6. Известия. – 1923. – 4 июля; 6 июля.
7. Известия ЦК КПСС. – 1990.
8. КПСС в резолюциях... – М., 1983.
9. Правда. – 1922. – 14 мая.
10. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. – М., 1995.
11. Титлинов Б.В. Новая Церковь. – Пг. – М., 1923.
12. Титлинов Б.В. Историческое обоснование обновленческого движения. – Самара, 1926.